

Г.Г. Попов

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ГЕНЕЗИСА КАПИТАЛИЗМА И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЕВРОПЫ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Современная актуальность анализа истории рождения капитализма

Долгое время в нашей стране проблематика капиталистического хозяйства изучалась исключительно через призму марксистской теории. Согласно распространенным в советском обществе представлениям, генезис капитализма а la Маркс являлся, прежде всего, процессом насильственного перераспределения материальных благ от одних слоев общества к другим. Одним словом, первоначальное накопление капитала, по Марксу, — это грабеж. (На самом деле, Маркс, не отрицая высокой роли насилия, считал главным фактором генезиса капитализма расширение применения наемного труда.) С таким видением генезиса капитализма российское общество вступило в либеральные реформы 1990-х гг.

Плачевные результаты не замедлили сказаться. «Дикий (криминализованный) капитализм» воспринимался и воспринимается в российском обществе как объективная закономерности первоначального этапа развития капитализма. На самом деле это «не совсем так». Доказательством тому является, например, тот факт, что как в далеком, так и в недавнем прошлом многие страны в процессе «строительства капитализма» вполне смогли обойтись без «великой криминальной революции».

Популярность ошибочного мнения о неизбежности фазы «дикого капитализма» связана во многом с тем, что в России недостаточно изучено богатое наследие западной научной мысли по вопросу развития капитализма. В этом нет ничего удивительного. Ведь только 15–20 лет назад в нашей стране обычной публике, не знакомой со спецхранами, стали доступны труды М. Вебера, В. Зомбарта, К. Поланьи, Ф. Броделя и других корифеев зарубежной историко-экономической мысли первой поло-

вины XX в. Даже сейчас их труды остаются объектом исследования сравнительно немногих специалистов, рядовой обществувед знаком с ними поверхностно. Что уж говорить о знакомстве с классиками историко-экономической мысли последних десятилетий — И. Валлерстайном, Д. Нортон, П. Дэвидом...

Благодаря вульгарно-марксистской теории, в сознании многих россиян в прошлом десятилетии царило представление, будто «малиновые пиджаки» поднимут Россию на мировой уровень, им только нужно время. Недавний фильм Никиты Михалкова «Жмурки» во многом поддерживает эту вредную иллюзию. На самом деле криминальной среде законы рынка (то есть свободная конкуренция) глубоко антипатичны. Специалисты отмечают, что лагерные «понятия» во многом напоминают правовую систему феодальных республик или даже законы кастовой системы. Поэтому люди, побывавшие в юности или в ранней молодости в заключении, как правило, вновь и вновь возвращаются за решетку, поскольку не приспособлены к условиям современного общества, в котором больше горизонтальных связей.

Чтобы понять, как нам, россиянам, строить эффективный капитализм, надо сначала глубоко разобраться, как его удалось построить на Западе.

Укажем сначала те методологические инновации, которые отличают современный дискурс о генезисе капитализма от советского.

В отечественной публицистике прошлого десятилетия произошло смешение понятий «рыночная экономика» и «капитализм». Однако это — существенно разные явления (в этом К. Маркс был глубоко прав). Рынок существовал и существует в некоторых социумах без капитализма. Капитализм также в принципе может успешно функционировать без рынка, если под рынком понимать сферу, где взаимодействуют спрос и предложение. Реформаторы 1990-х сделали ошибку, попытавшись одновременно строить и рыночную экономику, и капитализм. Ранее в мировой практике такого не было. Исторически рынок предшествовал капиталистическим структурам, он давал импульс формирования последних.

В современных дискуссиях о капитализме, далее, принято учитывать, что капитализм в каждой национальной среде имеет

свои качественные особенности (о чем в свое время говорили, например, Ф. Лист и В. Ойкен). Классическая модель формирования капитализма, описанная у Маркса, имела место только в Англии. Поскольку в эпоху Маркса теории национальных экономических систем еще не было (идеи Ф. Листа не пользовались популярностью), Маркс полагал, что на английском материале он описывает наиболее «идеальный» образец, а в других странах отличия от этого образца, конечно, будут, но не принципиальные. На самом деле, как признают современные историки, капиталистические системы хозяйствования других стран заметно отличались от английской модели. Поэтому принимать за образец Англию в этом вопросе можно только с большими оговорками.

Следующей «ахиллесовой пятой» марксистской теории является, как полагают многие современные историки, ограничение генезиса капитализма жесткими временными (XV–XVIII вв.) и территориальными (Западная Европа и ее переселенческие колонии) рамками. Во многих современных исследованиях утверждается, что капиталистический тип хозяйствования сформировался уже в раннем средневековье, а Вернер Зомбарт видел капитализм даже в структурах древнеримского общества.

Надо сказать, что сегодня в обществоведении нет четкого определения капитализма. Приведем лишь две широко распространенные формулировки капитализма:

– это экономическая система, в которой производственные решения контролируются теми, кто инвестирует капитал в частный бизнес;

– это система общественного производства и распределения, основанная на частной собственности, формальном (юридическом) равенстве и свободе субъектов хозяйствования.

В западной науке капитализм в основном сводится к трем институтам хозяйственной практики: капитализм равно товарное производство плюс свободный обмен (конкуренция) плюс наемный труд. Однако возможны и такие деформированные варианты капитализма, когда существует только товарное производство и свободный обмен, или же — только наемный труд и товарное производство. Мы будем исходить именно из этой трактовки капитализма, поскольку она выглядит более корректной для анализа этого явления.

Целью данной статьи является обзор некоторых аспектов генезиса капитализма, на которые ранее обращали неоправданно мало внимания.

Каков главный фактор генезиса капитализма?

Почему возник капитализм, каковы истоки этой формы общественного производства? Данный вопрос волновал и волнует многих исследователей уже более ста лет, но однозначного ответа так и не дано.

Термин «капитализм» ввел в широкий научный оборот В. Зомбарт в самом начале прошлого века. Далеко уйдя от теории Маркса, Зомбарт зашел в тупик, в сущности признав многообразие источников капиталистического уклада. (Сразу отметим, что в этот тупик, когда ученый оказывается не в силах выделить важнейший фактор рождения капитализма, позже попадали и многие другие исследователи, включая, скажем, Валлерстайна.) Однако из множества его разнообразных идей можно выделить одну: капитализм — это результат трансформации экономической ментальности в некоторых регионах Европы, который произошел под воздействием определенных генетических изменений¹. Можно сказать, что по Зомбарту капитализм произошел от генетической мутации, которая, как правило, происходила в регионах, где имело место смешение народов. Данный взгляд можно выразить простой схемой: генетические изменения → появление новой экономической ментальности → рождение капиталистического хозяйства. В нашей стране похожие идеи о биологическом («пассионарном») происхождении социальных трансформаций излагал поздний Л.Н. Гумилев². В современной науке, однако, подобные объяснения, «пахнувшие» расизмом, не пользуются популярностью.

М. Вебер, в отличие от Зомбарта, шел не от тела, а от души, от «протестантской хозяйственной этики»³. Его концепцию происхождения капитализма можно представить формулой: новая религия → новая этика → новая экономическая ментальность → рождение капитализма. Религиозная идея призвания личности стала, по Веберу, катализатором рывка Запада в экономическом развитии. Сбережение капиталов само по себе еще не может быть источником кардинальных структурных изменений в экономике. Ведь, скажем, Фуггеры были в XVI в. богатейшими

предпринимателями мира, однако их капиталы, используемые для ссуд католическим и светским владыкам, не приближали, а, напротив, отдаляли победу капитализма.

Вебер в вопросе о хронологических рамках генезиса капитализма следовал за Марксом: согласно его теории, капитализм возник в Западной Европе в период с XV по XVIII в. По Зомбарту, временем победы капитализма тоже были эти самые века, хотя данный хозяйственный уклад, по его мнению, локально существовал еще в Римской империи.

Ф. Бродель, представитель французской исторической школы «Анналов», сильно расширил хронологические пределы генезиса капитализма, доказав на историческом материале, что «капиталистическое хозяйство» существовало и в раннем средневековье, пусть даже ограничиваясь узкими сегментами экономики. По его мнению, трансформация феодального общества в капиталистическую систему произошло в основном по причине расширения хозяйственной интеграции регионов Европы⁴. Таким образом, его взгляд на природу капитализма можно представить схемой: рост хозяйственной интеграции → расширение сферы обмена → рождение капитализма⁵.

Довольно интересна концепция К. Поланьи, чья концепция во многих отношениях близка к точке зрения Маркса. По мнению этого венгерско-американского ученого, капитализм зародился вследствие перехода от ручного к машинному производству, а также из-за вызванного этим обстоятельством процесса урбанизации. Концептуальную идею Карла Поланьи о генезисе капитализма можно выразить формулой: формирование машинного производства — новые производственные отношения и социальные структуры — победа капитализма. По мнению Поланьи, капитализм может существовать только при выполнении двух условий — невозможности части населения прокормить себя, кроме как наемным трудом, и возможности капиталиста получать прибыль⁶. Эти условия сложились в Англии XVIII в. на волне перехода от ручного к машинному производству и распространились затем по всему миру, но при невыполнении одного из них капиталистическая система рухнет.

Психологическую трактовку генезиса капитализма высказывал австро-американский экономист Й. Шумпетер. Как и ранний

Зомбарт, Шумпетер отводил Рационализму ведущую роль в капиталистической трансформации экономических систем средневековья. Вторым фактором генезиса капитализма Шумпетер считал возможность для самоутверждения, которое давало капиталистическое хозяйство (то есть хозяйство, основанное на принципе получения прибыли). Отрасли, дававшие прибыль, согласно Шумпетеру, привлекали наиболее подвижные элементы общества⁷. Следовательно, рождению капитализма должно было предшествовать появление особых условий в определенных сегментах производства. Это означает, что новые технологии и организация производства создавали предпосылки для получения прибыли, а, значит, — для появления капиталистического производства.

Близко к Шумпетеру и Зомбарту стоит современный американский историк Д. Норт, лауреат Нобелевской премии по экономике. Генезис капитализма, по его мнению, произошел благодаря не какому-то одному фактору, а сразу трем типам инновационных методик ведения бизнеса, которые стали появляться еще в раннем средневековье. Это — инновации, повышающие мобильность капитала, снижающие риск и снижающие информационные издержки⁸. В результате введения в практику серии инноваций (например, вексельного обращения или страхования рисков) католическая Европа вступила на новый путь, совершив в XV–XVII вв. рывок в экономическом развитии. Дело в том, что эти инновации ведения дела в сочетании с отменой церковного запрета на ростовщичество способствовали мобилизации капитала и образованию коллективных форм частной собственности (сначала деловых товариществ, а затем и акционерных обществ), появились банки, расширился кредит. Все это дало первоначальный импульс развитию капитализма и перевело экономическое развитие Запада в принципиально новое русло. Но, по мнению Шумпетера, первоначально динамика Запада была присуща только отдельным регионам — прежде всего, Англии и Нидерландам. В Испании и Португалии ее вообще не было несколько столетий. Наиболее важным фактором успеха Западной Европы Д. Норт считает конкуренцию политических организаций, именно она позволила инновационным институтам закрепиться в хозяйственной системе стран Запада и вытеснить патриархальные институты.

Весьма отличный от всех прочих является теория американского социолога И. Валлерстайна⁹. Согласно ей, капитализм изначально развивался как целостная система мировых связей. Капиталистическая форма хозяйствования формировалась в рамках системы международной торговли. Этим можно объяснить то, что капитализм наиболее явно присутствовал в средние века в городах-республиках Италии, которые в наибольшей степени были вовлечены именно в международную торговлю. Период рождения современного капитализма, по Валлерстайну, — это XVI в., когда в силу случайного стечения обстоятельств в Западной Европе феодальные мир-империи уступили место капиталистической мир-экономике, базировавшейся на торговле. Затем западноевропейская капиталистическая мир-экономика подчинила себе в ходе колониальной экспансии все другие мир-экономики и мир-империи, превратившись в единственную мир-систему. Таким образом, Валлерстайн переводит генезис капитализма из плоскости внутренних процессов, присущих западноевропейским обществам, в плоскость мировой геополитики.

Подводя итоги, можно отметить, что западная экономическая мысль всецело ограничивает генезис капитализма Западной Европой (или же, во всяком случае, как Д. Норт, рамками христианского мира). Поэтому генезис капитализма неразрывно связан с проблемой великого перелома XV–XVI вв. в развитии Европы.

Почему только Запад?

Некоторые западные ученые, как, например, ранний Зомбарт и Вебер, вообще отказали неевропейским народам в возможности создать капитализм. (Впрочем, В. Зомбарт под воздействием японского опыта отказался под конец жизни от европоцентристских взглядов на капитализм.) Но не является ли это результатом европоцентризма, присущего западному социально-гуманитарному знанию? Что происходило на исходе средних веков за пределами линии Висла — низовья Дуная?

Дуглас Норт в своих трудах указал на важное отличие западноевропейского общества от Востока — наличие политической конкуренции. Но это отличие скорее характеризует современную ситуацию. Трудно поверить, чтобы за пределами линии Висла — Дунай отсутствовала политическая конкуренция.

В Западной Европе XV–XVII вв. были две сферы конфликта интересов — это религия и процесс разграничения прав между монархией и земельной аристократией. В этих двух сферах конфликтов формировались демократические институты нового времени. Но на Востоке в данный исторический период происходило примерно то же самое, только были получены иные результаты: вместо парламента — деспотия, вместо экономической свободы — жесткая хозяйственная регламентация.

Посмотрим на Японию XVI–начала XVII в., и мы увидим там полную свободу феодальной аристократии, борьбу между тремя религиями (синтоизмом, буддизмом и христианством). Буддизм был тогда для многих японцев идеологическим инструментом для борьбы с императорской властью и с властью сегуна. Христианство угрожало разрушением всей сравнительно молодой феодальной структуры японского общества. В Японии победили силы реакции, утвердившие режим Токугавы. Но даже при нем в стране сформировались капиталистические структуры, которые в итоге и нанесли ему окончательный удар революцией Мэйдзи.

Если мы обратимся к другим странам Востока, то тоже увидим там политическую конкуренцию.

Обратимся к примеру России, которая в западной исторической науке стоит как-то особняком по отношению к остальной Европе (лишь школа «Анналов» определенно признала за ней место в европейской семье стран). В начале XVI в. в Московии имела место серьезная попытка религиозной реформы; через сто лет произошла повторная попытка либерализации общества, завершившаяся политическим хаосом («Смутой»). В XVII в. в России, несмотря на провал «либерального проекта», все же шло формирование капиталистических структур (правда, этот процесс протекал в основном на окраинах страны). Появились индивидуальные крестьяне, которых тогда в народе стали называть мироедами, поскольку они противостояли крестьянским мирам (общинам). Образовался пролетариат, то есть свободные, не связанные никакими феодальными обязательствами индивиды, которых называли «гулящими людьми». Но реформы Петра I прервали спонтанный процесс перехода российского общества от феодализма к капиталистическому укладу. Петровские реформы ужесточили сословное деление общества

и привели в движение механизм государственного насаждения капитализма (точнее, квази-капитализма, где предприниматель оказывался включенным в систему отношений власти-собственности)¹⁰.

Рассуждая о началах капитализма, Д. Норт приходит к мысли, что власть сама сняла барьеры, стоявшие на развитии частной инициативы, чтобы обеспечить себя необходимыми для выживания ресурсами. Проще говоря, если короли и герцоги до и во время крестовых походов предпочитали грабить еврейские кварталы, то во времена Столетней войны они уже создавали условия для развития торговли и банковского дела, взимая за это определенную плату. Военные потребности, по Норту, стали двигателем прогресса в латинской Европе.

Императоры и короли действительно опирались на купеческое сословие уже на исходе крестовых походов, но, как показал немецкий историк Отто Эксле¹¹, зарождение гильдий и городских коммун, как новых источников прогресса именно западно-европейской цивилизации, началось еще в каролингскую эпоху. Слабость государства в посткаролингскую эпоху заставила западных европейцев искать новые формы организации общества, построенные уже на договорной основе, что привело к развитию общественных структур, имевших преимущественно горизонтальные связи. Наивысшего развития такая форма организации общества достигла в Швейцарии, где в конце XIII в. возникла крестьянская республика. Территории с особым по отношению к феодалам статусом крестьян и городских обывателей существовали и во многих районах Европы, например, в Нормандии, Фландрии, Кастилии, Норвегии. Поэтому мрачные тона тотального феодализма, которыми Д. Норт изобразил средневековье латинской Европы, не совсем соответствуют реальности.

Д. Нортom справедливо отмечено, что в католической Европе существовало множество народностей и языков. Вот в этом-то, вероятно, и кроется незамеченный многими исследователями фактор генезиса капитализма и великого перелома в развитии Запада. В Западной Европе не сформировалось универсального государства, как в Китае или Японии, которое подавило бы все проявления национального сепаратизма, а затем уничтожило бы и все этносы, которые не являлись системообразующими.

Посмотрим на Китай: более 90% его населения составляет одна титульная нация (народ хань), все остальные народы занимают географически периферийное положение и жестко контролируются из центра, занятого государствообразующей нацией. Японцы в средние века тоже ассимилировали и частично уничтожили все иные национальности, населявшие географический массив страны (например, айнов), образовав моноэтническое государство.

В Западной Европе, напротив, сохранилась многополярность политических сил. Это означало формирование региональных аристократий, что привело к относительно равномерному распределению ресурсов. В Римской империи, напротив, ресурсы были сконцентрированы в одном месте (в центре Италии), отчего в Европе сохранялся резкий контраст между центром и периферией (провинциями). Экономический потенциал Римской империи был, вероятно, выше, чем у латинской Европы эпохи средних веков, но он был распределен крайне непропорционально. В эпоху средневековья разные части Европы получили равные возможности для развития и для конкуренции, а конкуренция — двигатель прогресса. Например, немецкие княжества, соперничая друг с другом, строили храмы, прекрасные дворцы, нанимали музыкантов и ученых, развивали собственные науку и образование.

«Парадокс Запада» (термин, введенный Д. Нортон) объясняется, скорее всего, именно многообразием этнических образований и общественных структур, имевших место в латинской Европе из-за ослабления монархической власти.

На Востоке мы видим огромные территориальные массивы, внутри которых общества стремились к единообразию культурных норм. Это не означает, что внутри них не было борьбы политических организаций. Она, разумеется, была. Но она не могла отразиться на сложившейся культурной целостности обширных регионов.

Теперь вернемся к главному нашему вопросу — объяснению причин генезиса капитализма. Посмотрим на те достижения, которые были достигнуты античным миром. Они впечатляют, но для них был необходим колоссальный ресурсный потенциал. Большая часть того, что создали античные греки и римляне, древние египтяне и другие народы, не имело перспектив на какой-то

качественный переход во что-то новое и более прогрессивное. Например, что могли дать обществу пирамиды египтян? Ровным счетом ничего! Точно также ничего не могли дать римские цирки, дворцы, храмы и колоссы. На них только уходили огромные средства, энергия миллионов людей, а взамен оставались только символы власти. Можно сказать, что древние общества делали инвестиции, не приносявшие эффект от масштаба, а дававшие только убыток. Впрочем, средневековые европейцы тоже страдали этим (гигантские католические соборы), но в значительно меньшей степени. Деконцентрация ресурсов в латинской Европе не позволяла им особо увлекаться бесполезными затеями. Поэтому энергия и интеллектуальный потенциал европейцев пошли в другое русло — на создание рациональных и полезных вещей. По мере децентрализации латинской Европы после безуспешных попыток католической церкви реанимировать Римскую империю все больше производительных сил европейцев высвобождалось для решения чисто рациональных задач.

Таким образом, генезис капитализма, по Норту, произошел из-за переориентации потока ресурсов из нерациональной производственной деятельности в рациональные сферы деятельности. Тем самым мы признаем, что в Европе, как и в других регионах мира, еще в древности был накоплен потенциал, необходимый для перехода к капиталистическому развитию, но он работал не в том направлении из-за институциональных ограничений и крайне неравномерного распределения ресурсов между регионами. Как только постепенно были устранены эти препятствия, начался процесс генезиса капиталистического хозяйства.

Стимулировало ли плантационное рабство генезис капитализма?

Из наиболее популярной в настоящее время концепции Д. Норта следует вывод, что ни пиратство, ни насильственное перераспределение собственности, ни работоторговля, ни колонизация не могли стать существенными факторами перехода Западной Европы к капитализму.

Действительно, пиратство и колонизация осуществлялись западными европейцами задолго до Великих географических открытий (если вспомнить натиск на славянские земли кресто-

носцев и основание ими же Иерусалимского королевства), но почему-то генезиса капитализма в Европе тогда, в XI–XII вв., вовсе не произошло. Если рассуждать в духе вульгарного марксизма и считать грабеж источником капитализма, то капитализм должен был бы возникнуть где-нибудь в Золотой Орде. Ведь именно там делались колоссальные накопления за счет грабежей и контроля торговых магистралей.

Те, кто интерпретировал теорию первоначального накопления капитала К. Маркса как историю грабежей и насилия, забыли об одной экономической истине: если денежный поток не встречает соответствующий поток товаров, то деньги обесцениваются. Проще говоря, если английский корсар награбил в Карибском море тысячу дукатов, но, вернувшись на родину, смог реально потратить лишь сто дукатов, а на остальные девятьсот ему просто нечего купить, то награбленная им сумма обесценится ровно на 900 дукатов.

Иначе обстоит дело с плантационным рабством. Это — институт, несомненно, связанный с насилием, но в результате этого насилия происходит не только перераспределение богатства (как при пиратстве), но и его приращение. Возможно, как утверждают некоторые исследователи, именно плантационное рабство стало мощным стимулом генезиса капитализма — во всяком случае, для ряда стран Западной Европы?

Начнем с того, что эксплуатацией рабского труда в колониях занимались многие европейцы — испанцы, португальцы, голландцы, французы, англичане, даже датчане. Однако не все колониальные державы сделали такие успехи в развитии капитализма как Англия. Значит, существовали какие-то еще условия, которые позволяли сделанным благодаря эксплуатации рабского труда накоплениям преобразовываться в производственный капитал.

Напомним, что любой денежный поток должен встречать эквивалентный товарный поток, в противном случае накопление денег просто не имеет смысла. То же самое касается и товарного потока в ситуации натурального обмена. Грубо говоря, если индивид «А» произвел камзол на обмен, то он должен встретить индивида «Б», который произвел что-то полезное для индивида «А», иначе производство лишней единицы камзола просто теряет смысл. Точно так же можно объяснить эффект от плантационно-

го рабства: он не имел бы место, не существой в Европе спроса на колониальные товары, который был подготовлен столетиями развития товарного производства в европейских странах.

Основной культурой, выращивавшейся на плантациях Вест-Индии, был сахарный тростник. 80–90% всего сахара, потребляемого в Западной Европе в новое время, поступало из Карибского бассейна.

Расцвет плантационного рабства приходится на XVIII в. — именно этот век многие считают ключевым для генезиса капитализма, поскольку в конце XVIII века начался промышленный переворот. За это столетие из Африки в Америку было перемещено минимум 7 миллионов невольников, при том что за весь период работорговли (350 лет) из Африки было вывезено 10–12 миллионов рабов¹². Прибыль от работорговли составляла порядка 700%¹³. Лидерами в работорговле выступали тогда Англия и Португалия.

За весь XVIII в. англичане продали во французские и испанские колонии 500 тыс. рабов, что дало доход самое малое в 25 млн фунтов стерлинга в ценах конца XVIII в. (один раб тогда стоил минимум 50 фунтов¹⁴). Доход от эксплуатации одного раба был в 7 раз выше, чем от эксплуатации одного рабочего в Англии¹⁵. Причиной резкого роста трансатлантической работорговли в XVIII в. стало поражение Испании и Франции в войне за «испанское наследство», одним из результатов которого стало согласие испанского правительства на допуск в свои колониальные владения английских работорговцев, имевших большие технические возможности для такой деятельности. Плюс к этому обстоятельству в Западной Европе резко возрос спрос на колониальные товары, особенно на сахар.

Как подсчитать реальный доход от эксплуатации чернокожих невольников? ВВП Англии составлял в 1802 г. 200 млн фунтов, из них треть создавалась в промышленности примерно 3 млн наемных рабочих (в среднем 50% стоимости промышленной продукции тогда приходилось на труд). Можно подсчитать, что в последней четверти XVIII в. доходы плантаторов в Северной Америке и на Карибах составляли примерно 220–230 млн фунтов в год, если учитывать, что на них трудилось примерно 3 млн рабов (только на Карибах в начале XIX в. насчитывалось 1,7 млн чернокожих

невольников и 350 тыс. мулатов) и эксплуатация одного раба приносила доход в 7 раз больший, чем эксплуатация рабочего в Англии. Только на Барбадосе в конце XVIII в. насчитывалось более 62 тыс. чернокожих рабов (табл. 1), труд которых приносил примерно такой же доход, как труд всех рабочих Лондона.

Таблица 1

Демографическая структура Барбадоса в XVII–XVIII вв.

Год	Белые колонисты	%	Черные рабы	%
1643	37 200	86	6000	14
1684	23 624	34	46 502	66
1724	18 295	25	55 206	75
1786	16 167	21	62 115	79

Источник: Watson K. Slavery and economy in Barbados (http://www.bbc.co.uk/history/british/empire_seapower/barbados_03.shtml).

Очень значителен был объем производства сахара, главной культуры Карибских островов, и на французских плантациях. Если бы не Великая французская революция и не восстание на Гаити, то лидирующее положение в производстве данного продукта осталось бы за Францией. Однако революционные события рубежа XVIII–XIX вв. качественно изменили ситуацию, лидером в производстве сахара на плантациях Карибов стала Англия (табл. 2).

Таблица 2

Производство сахара в XVIII–начале XIX вв., тонн

Годы	Бразилия	Британские Карибы	Французские Карибы	Остальные Карибы
1700	20 000	22 000	10 000	5 000
1760	28 000	71 000	81 000	20 000
1787	19 000	106 000	125 000	36 000
1815	75 000	168 000	36 600	66 200

Составлено по: Meddison A. The world economy: a millennium perspective. 2001. P. 58.

Но значит ли все это, что победный марш капитализма по миру начался на плантациях Карибских островов? Пожалуй, нет.

Для Испании и Португалии открытие и освоение Америки обернулось не экономическим процветанием, а колоссальным упадком. Причиной тому служил упомянутый нами закон, что,

если денежный поток не встречает эквивалентный товарный поток, то деньги обесцениваются. Испания и Португалия стали первыми жертвами революции цен XVI в.

Французы тоже не смогли эффективно воспользоваться доходами от американских колоний. Они растратили значительные финансовые ресурсы на производство колониальных товаров, из-за чего инвестиции в основной капитал в их экономике оказались ниже необходимого для своевременной модернизации уровня. Резкое падение производства колониальных товаров (в частности, сахара) после Великой французской революции несколько не замедлило развитие капитализма во Франции.

В выигрыше от колониального рабства осталась Англия. Но связывать английскую промышленную революцию с плантационным рабством также опрометчиво. Дело в том, что научно-технический прогресс в Англии нового времени был теснейшим образом связан с развитием институтов внутри самой промышленности, которая долгое время являла собой довольно замкнутую и специфическую систему. К середине XVIII в. в Англии была окончательно разрушена корпоративная структура промышленных производств, что и сделало возможным научно-технический рывок в индустриальном развитии¹⁶. Несомненно, плантационное рабство в Новом свете создало значительные преимущества для развития капитализма в Англии, но, повторимся, те же преимущества имели Испания и Франция.

Единственное, что можно определенно сказать о роли плантационного рабства в прогрессе британской промышленности, — это то, что рост производства и потребления ряда колониальных товаров способствовал росту спроса на текстиль со стороны населения колоний. Однако до начала XIX в. численность белых поселенцев в Северной Америке и на Карибах оставалась не столь крупной, чтобы существенным образом повлиять на рост текстильной промышленности в Англии.

Почему Англия, а не Франция?

После войны за «испанское наследство» в Европе остались две державы-лидера, Британия и Франция, которые имели примерно равные возможности. Сравнив развитие этих стран в XVIII в., мы можем еще раз убедиться, что капитализм — это

результат коренных институциональных изменений в западном обществе, вызванных слабой центральной властью и балансом сил между государствами латинской Европы.

Серьезными предпосылками для наиболее успешного развития капитализма во Франции, а не в Англии, были:

- большая численность населения;
- удобное географическое положение между Атлантикой и Средиземным морем (а не на окраине Европы);
- более мягкий климат, не очень влажный, но не очень сухой;
- большая территория и хорошо организованный административный аппарат;
- близость Италии, что способствовало получению знаний и навыков в сфере торговли из самого развитого в этом отношении региона Европы.

Однако история распорядилась иначе. Мировым центром капитализма стала не Франция, а окраина латинской Европы — Англия. Посмотрим, как французы упустили свой шанс.

По объемам внешней торговли Франция к середине XVIII в. опередила Англию. В советские времена нас учили, что Франция в силу консервации феодальных институтов значительно отставала от Англии, являясь, по сути, еще аграрной страной даже к моменту начала Великой революции. На самом деле все обстояло несколько иначе.

Помимо того, что французы при последних двух Бурбонах догнали и даже ненадолго обогнали Англию и Нидерланды в сфере внешней торговли, они преуспевали и в промышленном развитии. До 1770-х гг. промышленный прирост во Франции составлял более 1% в год, и только после финансовых неурядиц 1770-х гг. французы стали уступать по этому показателю англичанам¹⁷.

Во Франции с большим запозданием произошла аграрная революция, но в некоторых провинциях страны ко временам Людовика XVI уже были крупные фермерские хозяйства. Сельское хозяйство Франции переходило к разнообразию в производстве: юг страны специализировался на виноградарстве, север — на животноводстве. Поэтому нельзя сказать, что все дело — в отсутствии изменений в аграрном производстве. Правда, во Франции сохранялась сильная крестьянская община. Доходило до того, что крестьяне не пропускали на свою терри-

торию королевских чиновников. Хотя такие случаи были редки, однако они показательны.

В городах королевская власть искусственно поддерживала существование корпораций ремесленников, или цехов. Но в то же время Бурбоны активно насаждали мануфактуры; помимо этого развивались также и частные мануфактуры. Однако в промышленной политике и крылась главная проблема: правительство поддерживало убыточные производства, между хозяевами мануфактур шла борьба за государственные субсидии. Государство, промышленное производство и торговля во Франции столь срослись, что многие предприниматели совмещали свои обязанности с функциями чиновников. (Впрочем, это же явление наблюдалось и в Англии.) Во Франции средства производства из-за консервации цеховой структуры не были отделены от работника, но не это должно было стать причиной кризиса французского общества. Владение средствами производства для многих ремесленников было формальностью, особенно после начала перехода французской промышленности к машинному производству.

Более существенно то, что во Франции XVIII в. почти не было анонимного (акционерного) капитала. Компании обычно являлись семейными предприятиями, деловые отношения строились в основном на обычае, а не на законе или контракте. Именно крайне слабое развитие контрактных отношений являлось главным тормозом производительных сил Франции. Многие французы боялись конкуренции. Сложившиеся в их среде национальные традиции были против конкуренции, а государство поощряло эти традиции, преобразовав их в законы. В частности, король всячески оберегал цеха от давления мануфактур. Низкая концентрация капитала в промышленности создавала проблему финансирования мануфактурного производства, хозяева производств часто выплачивали зарплату натуральным продуктом, а искусственно поддерживаемые государством цеха снижали возможности сбыта для мануфактур. Нехватка финансового капитала ощущалась во Франции Людовика XVI повсеместно, из-за этого его правительство вынуждено было пойти на непопулярную меру — разрешить иностранным банкам открывать свои филиалы в стране.

Другим немаловажным фактором кризиса Франции в конце XVIII в. стала «дворянская» экономическая ментальность бога-

тых французов-предпринимателей, запечатленная еще Мольером в «Мещанине во дворянстве». Их идеалом было дворянское благородство. Под благородным образом жизни понимались большие расходы на роскошь и занятия, отвлеченные от практической деятельности. Многие французские буржуа приобретали дворянские звания, отходили от своих дел и жили с ренты, посвящая себя светским заботам. Политическая элита французского общества не реинвестировала капитал в производство, а растрачивала его на роскошь и развлечения.

Разумеется, это касалось не всех французов. Однако нехватка деловых людей в стране стала ощущаться при последних двух Бурбонах столь остро, что Людовик XVI даже позволил вступать в корпорации (то есть цеха) евреям, что было негативно воспринято многими французами. Французское правительство также привлекало потомков некогда бежавших во времена религиозных гонений гугенотов в сферу финансов и промышленности. Во время правления Людовика XV французы стали активно практиковать незаконный наем мастеров в других странах Европы как метод промышленного шпионажа. Проводились целые секретные операции по вербовке промышленных специалистов (в основном в Англии).

Корни кризиса Франции Бурбонов надо искать не в XVIII в., а в XVII в. и даже раньше. В отличие от Англии, во Франции в Реформации победили роялисты-католики, а не протестанты-республиканцы. Гугеноты Франции не смогли взять верх над роялистами, в результате чего в этой стране были законсервированы старые нормы поведения верхов общества.

Еще один важный институциональный аспект, по которому Англия и Франция разошлись в путях экономического развития, — это права на землю. Во Франции была сильная крестьянская община и само крестьянство было сплоченным в отдельных регионах страны (например, в Бретани). Территория Франции больше, почвы лучше, а, значит, и производительнее, поэтому переход от земледелия к животноводству во французском сельском хозяйстве начался позже, чем в Англии. Англичане, имея меньшую территорию, стали к XVIII в. испытывать нехватку земельных ресурсов, тем более что после похолодания XV в. производительность зерновых хозяйств на Британских островах

значительно сократилась. После неудачной Столетней войны и самоубийственной войны Алой и Белой розы военные авантюры перестали привлекать английское дворянство. Английская королевская власть была разорена этими войнами и не имела средств для ведения длительных и масштабных кампаний на континенте. Маленькая территория и низкая производительность почв вызвали в Англии эко-социальный кризис. Английское дворянство отреагировало на него переводом своих имений на овцеводство и огораживаниями, поскольку земли не хватало: в отличие от Франции, где в середине XVIII в. было примерно 0,024 кв. км на человека, в Англии на одного человека приходилось в то же время в 24 раза меньше — примерно 0,001 кв. км¹⁸. К XVIII веку англичане свели почти все свои леса на топливо и древесный уголь для плавилен. Эко-социальный кризис постиг и Францию — в середине XVIII века в некоторых провинциях этой страны наблюдался голод. Однако причины голода во Франции надо также искать в слабой хозяйственной связанности ее регионов и высокой коррупции, которая имела место при Бурбонах.

Дело в том, что сращивание власти и предпринимательских структур в эпоху правления первых Бурбонов через инкорпорирование буржуа в дворянство привело к появлению раздутого чиновничьего аппарата и огромного офицерского корпуса. Стала широко практиковаться (особенно, при Людовике XIV) продажа дворянских титулов и должностей. С одной стороны это вело к отвлечению значительной части буржуазии от экономической деятельности. С другой стороны, дух буржуазного обогащения проникал в структуры власти, новые дворяне не видели разницы между местом за прилавком и кабинетом чиновника. Политику Бурбонов, направленную на привлечение в ряды дворянства большого числа представителей третьего сословия, можно понять. Новая династия была не уверена в своем положении на троне. Старое дворянство не любило Бурбонов, тем более что значительная часть его явно или тайно исповедовала протестантство. Раздутый чиновничий корпус при хронической финансовой бедности французского государства находил себе содержание в коррупции. Часть коррупционных актов приобрела со временем вполне легальные формы, благо законодательство королевской Франции было запутанным. В результате, несмотря на высокие бюджетные расходы — выше,

чем в Англии, Испании и Нидерландах (табл. 3), Франция Бурбонов испытывала недофинансирование вооруженных сил, которое особенно обострилось в 1780-е гг. Дело в том, что значительная часть бюджетных доходов государства просто разворовывалась на местном уровне и в государственных ведомствах. В итоге коррупция и казнокрадство буквально «съели» Францию Бурбонов, имевшую все шансы на успешное развитие.

Таблица 3

Правительственные расходы Великобритании, Франции, Нидерландов и Испании, в тыс. британских фунтов

Год	Великобритания	Франция	Нидерланды	Испания
1720	5 500	10 380	3 600	3273
1750	7 100	12 430	4 860	
1780	17 000	19 160		

Источник: Лахманн Р. Как элиты губят государство (www.journal.prognosis.ru/a/2004/09/10/21.html).

Успешность государства во внешней политике в те времена зависела в первую очередь от финансирования его вооруженных сил — только тогда оно могло претендовать на колонии и контроль над морскими путями. Как мы видим из табл. 3, Великобритания тратила меньше бюджетных денег, но при этом все-таки победила Францию и другие ведущие державы в борьбе за колонии. Дело в том, что стоимость обеспечения одного солдата или матроса в Англии была ниже, чем в ведущих континентальных государствах (табл. 4). Это объясняется не скудостью провианта или худшим качеством вооружения, а более низкими коррупционными доходами и объемами воровства государственных чиновников. В Англии «коррупционный налог» с общества в силу других принципов ее конституционного устройства был намного ниже, чем в континентальной Европе.

Таблица 4

Расходы на содержание солдата/матроса, британских фунтов (цены одинаковы для всех стран и временных периодов)

Год	Великобритания	Франция	Нидерланды	Испания
1600	19,8	30,375	43,35	24,04
1700	18,84	25,95	36,0	65,46

Источник: Лахманн Р. Указ. соч.

Плюс к этому, королевская Франция являлась государством, где центральная власть являлась по своему содержанию и форме абсолютистской, но на региональном уровне имела место демократизация властных структур. Король передал широкие полномочия местным властям, в то время как на верховном уровне управления демократия полностью отсутствовала. В результате монарх был окружен сотнями карьеристов, подхалимов и авантюристов. В дополнении к этому сама королевская власть оказалась слабой из-за своей оторванности от старой аристократии — династия Бурбонов произошла от лидера протестантской оппозиции, который не пользовался особым доверием у католического большинства страны, включая и такой политически важный социальный слой, как парижские знатные буржуа. Это обстоятельство привело к тому, что Бурбоны, взяв много прав и полномочий, не смогли «проглотить» слишком много власти. Их режим мог существовать только при статическом состоянии общества, которое вполне устраивало реальную политическую силу Франции той поры — дворянство. Франция являла собой интересный пример сочетания слабой абсолютистской монархии, имевшей много прав и полномочий, но не справлявшейся и с незначительной долей из них, и федерации, обладавшей многообразием форм устройства субъектов, что создавало большие трудности в управлении и в сборе информации о реальном положении дел в стране¹⁹.

Созыв Генеральных штатов 1788 г. был направлен во многом на то, чтобы собрать необходимую информацию о том, что же действительно имеет место в различных регионах Франции, и выработать на основе этой информации решения насчет реформ государства. Версаль был оторван от реальности, король часто узнавал о бедствиях населения только во время редких поездок по стране. Отсутствие коллегиального принципа организации власти на верховном уровне управления страной привело к тому, что демократия развивалась в салонах и на улицах, а также в муниципалитетах городов, что привело к потере контроля над ней со стороны монархии и подготовило тем самым почву для революции.

В Англии в то время была противоположная ситуация: федеративные начала государства были подавлены еще Кромвелем, поэтому демократия на местном уровне имела слабый уровень развития, а, значит, издержки от конфликта интересов между мес-

тной и верховной властями были не столь велики, как во Франции, где прогрессивные реформы Людовика XVI блокировались муниципалитетами. Верховная власть в Англии была демократизирована. Это означало, что оппозиция концентрировалась в парламенте, а не на улице или на подпольных сходках. В результате в обществе устанавливалось относительное спокойствие, политическая деятельность выделялась в особый вид профессиональной деятельности, к которой редко допускались дилетанты, прожектеры и крайние радикалы. В Англии был сильный парламент и слабая монархия, что обеспечило развитие в этой стране принципа коллегиальной выработки управленческих решений на верховном уровне управления, поэтому управленческий сигнал реже блокировался на местном уровне, чем в соседней Франции.

Другая очень важная причина замедленного развития капитализма во Франции в XVIII в. — этническая неоднородность ее населения. К моменту Великой французской революции более половины подданных короля не говорили по-французски, литературный французский знали немногим более 3-х миллионов жителей страны. Причина этого явления заключалась в том, что многие территории Франции вошли в ее состав только в XVII в., сохраняя четкие национальные отличия. Новые нефранцузские подданные короля, как правило, замыкались в своих национальных социальных группах. Перед революцией в некоторых городах страны имело место даже разделение труда по национальному признаку. Не-французы часто занимали низшее положение на социальной лестнице, им был затруднен доступ к предпринимательской деятельности и государственной службе. Из них в основном стал формироваться французский пролетариат, но пролетариат особенный — культурно и морально отчужденный от общества, говорящий с ним на другом в прямом и переносном смысле языке. Таким образом, около половины населения Франции было исключено из активного участия в формировании капиталистических структур. Оно могло в них присутствовать только как неквалифицированный пролетариат (чтобы приобрести квалификацию, надо было вступить в цех, но для этого требовалось, как минимум, владеть французским, в цехах крупных городов преобладали стопроцентные французы). Национальные меньшинства Франции стояли на более низких ступенях социально-экономического развития, не-

жели сами французы. Это обстоятельство во многом и привело к столь значительной ментальной дифференциации французского общества эпохи Бурбонов, что в немалой степени отразилось на государственном устройстве королевства.

Различия в развитии Англии и Франции в новое время представлены в табл. 5.

Таблица 5

***Различия в развитии Англии и Франции
в раннее новое время (XVII–XVIII вв.)***

Институциональные характеристики	Англия	Франция
Крестьянская община	Слабая	Сильная
Ремесленные корпорации	Невлиятельные в промышленности	Имели значительное влияние в промышленном производстве
Финансовый капитал	В основном анонимный и сконцентрированный	В основном персонифицированный и рассеянный
Чиновничий аппарат государства	Малочисленный и слабо корумпированный	Многочисленный и сильно корумпированный
Характер монархии	Слабая конституционная монархия, опиравшаяся на крупную земельную аристократию	Слабая абсолютистская монархия, опиравшаяся на достигнутое в высокое средневековье статус-кво дворянства и духовенства
Федеративные начала государства	Слабо выраженные	Мозаичная федерация
Национальный состав	Мононациональная страна с присоединенными кельтскими территориями	Многонациональная страна
Изменения в сельском хозяйстве	Полный переход к товарному хозяйству к XVIII веку, вытеснение зерноводства животноводством	Частичный переход к товарному хозяйству к XVIII веку, частичный переход от зерноводства к животноводству к середине XVIII века
Характер политической оппозиции	В основном парламентская	Преимущественно уличная, подпольная и региональная

Пример Франции Бурбонов прекрасно демонстрирует современной России урок, что эффективный капитализм не может развиваться из коррупции, воровства и административного прожектёрства. Напротив, они сдержали рост мануфактурного производства, торговых предприятий и финансовых институтов. Англия, в большей степени преодолевшая эти пороки, напротив, построила индустриальный капитализм.

Возможен ли капитализм с человеческим лицом?

Является ли генезис капитализма без насильственного перераспределения собственности от одних слоев общества к другим (а, проще говоря, без грабежа одних индивидов другими) иллюзией? Если да, то легитимность капиталистического общественного устройства будет подвергаться сомнению народными массами при любом крупном экономическом или политическом кризисе — как это уже было во времена Первой мировой войны, Великой депрессии, Второй мировой войны и последовавшей за ней в конце 1940-х гг. разрухи в Европе, энергетического кризиса начала 1970-х.

Проблема эксплуатации труда актуальна для любой формы общественного воспроизводства. Поэтому приписывать капитализму все грехи современного общества весьма опрометчиво. Опыт советского общества показал, что эксплуатация труда возможна и при отсутствии частной собственности на средства производства. Поэтому необходимо отделить собственные негативные черты капиталистической системы хозяйствования от общих недостатков общества, которые имели и имеют место везде и всегда. Алчность, например, как заметил еще Адам Смит, присуща в большей степени людям традиционных обществ. Дело в том, что капиталистические общества наследовали многие институты традиционных общественных систем.

Если учитывать признанную Марксом возможность сосуществования различных формаций в одном месте и в одно время, то капиталистическое хозяйство может развиваться в узких сегментах экономики. Это означает следующее: допустим, индивид работает на капиталистическом предприятии, но, выходя за его пределы, он может попасть в среду уже феодальных отношений, и привычки, полученные им в этой среде, он переносит

на систему отношений уже капиталистического производства. К примеру, широкое использование детского и женского труда на английских мануфактурах XVIII в.–первой половины XIX вв. было, вероятно, во многом обусловлено не только пресловутой погоней за прибылью, но и тем, что работодатели, сами еще в недавнем прошлом жители сельских предместий, перенесли принципы организации труда на семейных фермах в промышленное производство. Если принять во внимание концепцию Архангельского об уникальности каждой формы капитализма²⁰ (а их может насчитываться сотни) во временном и географическом пространствах, то мы не можем выносить определенного суждения о всем капитализме на примере одной-двух стран. Согласно теориям Зомбарта, Архангельского и ряда других исследователей, капитализма, капиталистический способ производства происходит из чисто национальных особенностей развития, поэтому само развитие капиталистического производства уникально для каждой национальной системы. Разумеется, у разных видов капитализма существуют общие черты (товарное производство, примат частной собственности, товарно-денежные отношения и другие), но количественные и качественные характеристики производства, распределение собственности и структура капитала задаются в основном национальными институтами.

Теперь, вернемся к проблеме эксплуатации. Она обусловлена, скорее, не самим капиталистическим способом производства (хотя мы признаем, что она заложена в нем, как и в любом другом способе производства), а конституционными основами общества, которые могут позволить в той или иной степени паразитировать одним слоям общества за счет труда других слоев. К основным источникам паразитизма следует отнести земельную ренту, коррупционный «налог» с общества, казнокрадство, значительное превышение оплаты труда над его реальным продуктом, необоснованные социальные выплаты, инфляционную прибыль, монополизм. Общество не может избежать фактора паразитизма отдельных его членов или целых социальных групп. Но минимизировать его до какого-то оптимального уровня оно может. Сравнение развития Англии и Франции ясно показывает, что рост паразитизма (за счет непомерного увеличения во Франции коррупционного «налога») привел к коллапсу всей политической

системы Бурбонов и к великим потрясениям в этой стране. Англия же, благодаря иным, нежели на континенте, принципам своего конституционного устройства, сумела более успешно перейти от доиндустриального к индустриальному капитализму.

Поэтому построение капитализма с человеческим лицом при наличии соответствующих конституционных принципов и механизмов их выполнения, на наш взгляд, вполне возможно.

Примечания

¹ Зомбарт В. Собрание сочинений в 3-х томах. Т. 1–2. Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека. Торгаши и герои. Евреи и экономика. М., 2005.

² Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2001.

³ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 2002.

⁴ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. В 3-х т. М., 1986–1992 (М., 2006).

⁵ В работах современных историков похожую интерпретацию можно найти у Жана Делюмо: Делюмо Ж. Цивилизация Возрождения. Екатеринбург, 2006. С. 251–286. По его мнению, катализатором развития институтов капиталистического общества стала морская торговля итальянских городов-республик. Первыми капиталистическими структурами можно считать итальянские *commenda*, то есть хозяйственные товарищества, в рамках которых формировались горизонтальные экономические отношения, в отличие от средневековых цехов и гильдий, где преобладали вертикальные связи между участниками. Именно в рамках товариществ итальянских купцов произошло отделение капитала от труда, обычно в средневековых хозяйственных структурах хозяин средств производства сам же выполнял производственные операции. По Делюмо, получается, что капитализм распространялся по принципу диффузии, неся вместе с собой и новые методы ведения дел, которые только еще больше ускоряли переход от феодализма к капиталистическому способу производства.

⁶ Полань К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002.

⁷ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.

⁸ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 159–165.

⁹ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001; Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI в. М., 2003.

¹⁰ Еще до революции критический взгляд на петровские реформы, которые стимулировали развитие российской монархии, но затормозили раз-

витие российского капитализма, высказал П.Н. Милоков. В современной отечественной литературе эту точку зрения популяризирует А.М. Буровский (см., например: Буровский А.М. Россия, которой не стало. М., 2005).

¹¹ Эксле О.Г. Действительность и знание: очерки социальной истории средневековья. М., 2007. С. 5–156.

¹² Франция отмечает День памяти жертв рабства // Новости. — Режим доступа: http://news.nbc.com.ua/NEWSactionI_SarticleANDtext_idIS7051.html. Следует оговориться, что точных оценок количества вывезенных из Африки в Америку рабов нет, называются разные цифры. Большинство историков сошлись на оценке в 10–12 млн человек.

¹³ Впрочем, надо учитывать, что высокие процент прибыли давала в то время любая колониальная торговля, в которой принимали участие все страны, имевшие корабли океанского типа. Например, средняя норма прибыли от торговли русских купцов на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири составляла 400–500%.

¹⁴ Bush B. Hard Labor: Women, Childbirth and Resistance in British Caribbean Slave Societies // More Than Chattel: Black Women and Slavery in the Americas. Ed. by David Barry Gaspar and Darlene Clarke Hine. Bloomington: Indiana University Press, 1996. P. 196.

¹⁵ Экономическая история мира. Европа. Т. 2 / под общ. ред. М.В. Котопова. М., 2004. С. 195.

¹⁶ См.: Попов Г.Г. Двухсекторная модель экономики, государственное регулирование и либерализм // Экономика и право. 2006. № 2.

¹⁷ Кожокин Е.М. История бедного капитализма. Франция XVIII–первой половины XIX века. М., 2005. С. 15–40.

¹⁸ Подсчитано автором.

¹⁹ О характере французского государственного устройства хорошо высказался контролер финансов Людовика XVI Калонн: «Я хочу показать, что несогласованность, разнородность, противоречивость различных частей государственного механизма исходят из единого принципа конституционной порочности, конституционные пороки изматывают силы государства, приводят в расстройство всю его организацию, и нельзя уничтожить ни один из этих пороков, не выступив против всего принципа в целом, — принципа, который их породил и который их увековечивает... Королевство, состоящее из провинций, подчиняющихся провинциальным штатам, из провинций, подчиняющихся центральному управлению, из провинций с особой провинциальной администрацией, королевство, в котором области чужды друг другу, в котором внутренние таможенные барьеры отделяют подданных друг от друга, королевство, в котором одни провинции почти полностью освобождены от налогов, в то время как другие несут всю их тяжесть, в котором наиболее богатый класс платит минимальные налоги, — в этом королевстве невозможно иметь стабильный порядок, невозможно иметь общую волю; неизбежно

это королевство очень несовершенно, изобилует злоупотреблениями, им невозможно хорошо управлять» (цит. по: Кожокин Е.М. История бедного капитализма... С. 104).

²⁰ Седов А.В., Телегина Э.П. Сергей Иванович Архангельский // Горьковский государственный университет. Выдающиеся ученые. Горький, 1988. См. также: Сергей Иванович Архангельский: жизнь в науке (к 120-летию со дня рождения): Межвузовский сборник / под ред. Е.А. Молева. Н.-Новгород, 2001.